

Галине Федоровне Благовой — 85 лет

В одном из определений научная школа называется «воспитательным органом» для входящих в нее молодых ученых, при этом старшие опытные сотрудники выступают в роли учителей. Такой «воспитательный орган» в российской тюркологии сложился в 40-е гг. прошлого века и в Московском государственном университете, и в Институте языкознания АН. Основателем и главным идеологом московской тюркологической научной школы стал выдающийся тюрколог Н. К. Дмитриев, разносторонний ученый и талантливый организатор науки. Научную и не менее важную — человеческую школу у Н. К. Дмитриева прошли десятки тюркологов, составивших цвет отечественной тюркологии, костяк академических научных кадров и профессоров ведущих вузов страны.

Галина Федоровна Благова, будучи одним из представителей этой школы, до сих пор безмерно благодарна своему учителю, который «щедро дарил своим ученикам Восток». Выпускница кафедры тюркской филологии восточного отделения филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (1950 года выпуска), Г. Ф. Благова вот уже более 60 лет верно служит тюркологии, обогащая ее своими научными трудами самой разнообразной тематики. Однако нельзя не заметить, что каждая ее новая работа проникнута идеями, истоки которых восходят к замыслам ее ближайшего учителя — Н. К. Дмитриева — и его последователей.

Галина Федоровна Благова (Данько) родилась в Москве 31 августа 1927 г. в семье рабочего («производственника-рационализатора», как говорит сама Г. Ф. Благова). В 1942 г. она экстерном закончила неполную среднюю школу, а в 1945 г. завершила среднее образование в Московском авиамоторостроительном техникуме и стала студенткой восточного отделения филфака МГУ по специальности «Тюркская филология».

Поначалу Г. Ф. Благова колебалась в своем решении, куда поступать: на филологический или на исторический факультет. Сомнения прекратились после того, как она побывала, будучи абитуриенткой, на выступлении преподавателя филфака Николая Ивановича Либана — известного литературоведа, специалиста по русской литературе. Тогда было решено поступать на филологический. Встал вопрос, на какое отделение пойти, какую специальность выбрать. Встреча с Алексеем Аркадьевичем Стариковым, заведующим восточным отделением филологического факультета МГУ, не оставила никаких сомнений: «В русистике все изучено. В этой области столько блестящих умов трудилось, столько работ написано, что перечитать их все — студенческих лет не хватит. В тюркологии же огромное поле деятельности открывается перед молодым исследователем». Так определился выбор специальности.

Уже в студенческие (а потом и аспирантские) годы Г. Ф. Благова проявляла особый интерес к истории тюркских литературных языков Центральной и Средней Азии и исторической грамматике тюркских языков. Преданность идеям востоковедения и основы научного подхода к изучению тюркских и других восточных языков закладывали преподаватели кафедры тюркской филологии — известные тюркологи Н. К. Дмитриев, В. М. Насилов, Э. Н. Наджип и Э. В. Севортян, иранист А. А. Стариков и арабист Б. М. Гранде. На филологическом факультете МГУ, где тогда были сосредоточены ярчайшие умы отечественной филологии, царила особая научная атмосфера.

Возникший в студенческие годы интерес Г. Ф. Благовой к изучению тюркских языков усиливался не только благодаря лекциям и семинарам. В 1948 г., после окончания второго курса, Галина Федоровна стала участницей студенческой экспедиции в Ташкент и Самарканд, организованной Э. Н. Наджипом (денежные средства на проезд студентов предоставил Н. К. Дмитриев). В этой поездке Г. Ф. Благова познакомилась с Эльвирой Александровной Груниной.

Позже, уже будучи аспиранткой, Галина Федоровна еще раз побывала в Ташкенте — она отправилась туда для работы с памятниками, находящимися в хранилище рукописей при Институте востоковедения. Там ей посчастливилось встретиться с учеником В. В. Радлова — известным тюркологом Сергеем Ефимовичем Маловым.

В университете под научным руководством В. М. Насилова Г. Ф. Благова написала курсовую работу «Стилистические особенности романа Айбека “Навои”». Он же предложил

и тему дипломной работы с названием, открывающим широкие перспективы для исследования, — «Язык “Бабур-наме”». Сам Н. К. Дмитриев выразил желание быть оппонентом на защите дипломной работы; это была большая честь для дипломницы, и ее надо было оправдать.

В 1950 г. Г. Ф. Благова стала аспирантом филологического факультета МГУ и, следуя совету В. М. Насилова, продолжила изучение главнейшего труда императора Бабур, классика средневековой тюркской литературы, — его мемуаров «Бабур-наме». Работа над этим произведением ознаменовала возврат к надолго прерванной традиции изучения этого памятника (восходящей к публикации Н. И. Ильминским текста «Бабур-наме» по Керовскому списку в 1857 г., к сверке последнего А. Н. Самойловичем и факсимильного издания А. С. Беверидж).

В 1954 г. Галина Федоровна защитила кандидатскую диссертацию на тему «Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV в. по “Бабур-наме”» [Благова 1954]. Оппонентами были Н. К. Дмитриев и Э. В. Севортян, в дискуссии участвовал член университетского спецсовета Н. И. Конрад. Н. К. Дмитриев дал работе положительную оценку, сказав, что тема одной только вступительной главы, посвященной истории изучения памятника, могла бы стать темой кандидатской диссертации.

Любовь к замечательному памятнику языка и литературы «Бабур-наме» проходит через всю научную жизнь Г. Ф. Благовой, не раз обращавшейся к описанию разных аспектов этого уникального тюркского текста [Благова 1966, 1989]. В 1994 г. вышла ее книга «“Бабур-наме”: Язык. Прагматика текста. Стилль» [Благова 1994], подводящая итоги 40-летнего изучения памятника и демонстрирующая возможность и продуктивность приложения к средневековому тексту новейших достижений современного языкознания и лингвостилистики.

Методологическую основу целостного описания языка памятника составили подход к литературному тексту как к речевому произведению и привлечение комплекса приемов для изучения внутриязыковой и внеязыковой специфики средневекового текста. Император Бабур точно уловил социо-историческую ситуацию в регионе, где он формировался как правитель и основатель новой державы (т. е. правильно наметил «социальный заказ» своего произведения), и, что самое главное, нашел адекватные изобразительные средства для его воплощения, в чем ему, безусловно, помог талант поэта-лирика, писателя и ученого-историка.

В исследовании [Благова 1994] автором также были реализованы многие идеи акад. В. В. Виноградова относительно изучения истории литературного языка, в частности учет многоступенчатости в корреляции «язык литературно-художественного произведения — язык писателя — язык художественной литературы». Используя эффективную методику работы с текстом памятника, Г. Ф. Благова представила в своем исследовании развернутую картину лингвостилистического и формально-грамматического состояния чагатайского литературного языка рубежа XV—XVI вв. и очертила место создателя «Бабур-наме» как отдельной языковой личности во всех ее проявлениях в рамках существовавшей в то время языковой системы. И в таком смысле этот труд Галины Федоровны может быть назван «филологической энциклопедией “Бабур-наме”».

Более 20 лет Г. Ф. Благова отдала редакторской деятельности, работая заведующей Отделом языков и письменности народов СССР в академическом журнале «Вопросы языкознания» (1955—74 гг.), из них почти 14 лет — под руководством главного редактора акад. В. В. Виноградова и ответственного секретаря редколлегии Н. И. Толстого. Казалось бы, столько лет рутинных занятий в журнале могли погасить все порывы начинающего ученого, но только не у тюрколога-выпускника Дмитриевской кафедры. Наоборот, работа в ведущем филологическом журнале приучила Г. Ф. Благову быть в курсе актуальных лингвистических идей и творчески их воспринимать. Стоит посмотреть на списки используемой научной литературы в трудах Галины Федоровны или вчитаться в тексты ее работ, которые насыщены цитатами из статей современных языковедов или отсылками на их работы, как понимаешь, какой объем научной литературы был предварительно осмыслен исследователем и как критически эта литература используется в творческой палитре ученого.

В конце 1974 г. Г. Ф. Благова перешла в Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН и включилась в работу над фундаментальными научными темами — «Сравнительно-исторической грамматикой тюркских языков» [СИГТЯ] и «Этимологическим словарем тюркских языков» [ЭСТЯ]. Она приняла участие в четырех томах [СИГТЯ], в каждом из которых ей принадлежат значительные разделы.

В морфологическом томе [СИГТЯ 1988] Г. Ф. Благова написала разделы «Категория падежа» [СИГТЯ 1988: 28—136] и «Склонение личных и указательных местоимений» [СИГТЯ 1988: 210—255]. В первом из них она выдвинула нашедший в дальнейшем свое подтверждение в исторической морфологии тюркских языков важный тезис о том, что в судьбе тюркского склонения сыграло исключительную роль взаимодействие категорий принадлежности и падежа, определившее сложение трех типов тюркского склонения. Причем в ходе преобразований межпарадигменных соотношений местоименная парадигма представляла как важнейшая, ключевая область тюркского склонения: именно из местоименной парадигмы чаще всего исходили импульсы, в конечном счете преобразовывавшие именную и посессивно-именную парадигмы по образцу местоименной. На большом репрезентативном материале Г. Ф. Благова показала пути исторической дифференциации именной и посессивно-именной парадигм в системе тюркского склонения и динамику соответствующих морфонологических процессов; соотношение этих парадигм склонения исследовательница положила в основу классификации типов тюркского склонения.

В томе «Региональные реконструкции» [СИГТЯ 2002] Галина Федоровна разработала раздел, который посвящен реконструкции именной морфологической системы карлукско-уйгурской группы языков и охватывает имена существительные, прилагательные, числительные и местоимения, а также служебные части речи [СИГТЯ 2002: 419—475].

В лексическом томе [СИГТЯ 1997] перу Г. Ф. Благовой принадлежит глава «Антропонимия» [СИГТЯ 1997: 419—475], включающая в себя существительные, прилагательные, числительные и глаголы. К этой теме исследовательница двигалась постепенно, дав сначала подробный обзор изучения тюркских имен в России [Благова 1998а] и создав типологию раннетюркских антропонимов [Благова 1998б]. Верная системному подходу к анализу языкового материала, Галина Федоровна стремилась показать, что реконструируемая пратюркская антропонимия предстает не как некое мозаичное собрание разрозненных личных имен, но как строго структурированная система с «отлаженным» семантическим «костяком» — семантической подсистемой, в которой нет места так называемым «случайным» именованиям и в которой даже кажущимся «случайными» именованиям находится место. Именно в таком ракурсе антропонимическая система представляет интерес для изучения истории общественного строя тюрков — как культурологическое наследие, в котором закрепляются в отдельных личных именах обычаи, поверья и привычки народа, вследствие чего семантическая подсистема пратюркского антропонимикона и сохраняется до наших дней.

Дальнейшее развитие антропонимической темы нашло свое отражение в следующем томе [СИГТЯ 2006] — «Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка», где Г. Ф. Благова предложила реконструкцию пратюркской антропонимической системы, в которой сохранялись космологические и социальные представления пратюрков, для чего широко привлекла фольклорные, мифологические и другие культурные контексты в соединении с лингвистическим комментарием. Одной из задач предпринятого исследования явилось также проведение типологических сопоставлений древнего тюркского антропонимикона с материалами не только алтайских, но уральских и палеоазиатских языков [СИГТЯ 1997: 702—723], даже шире — с моделями номинации в индоевропейских языках [СИГТЯ 1997: 751—765]. Цель таких сопоставлений — продемонстрировать специфику картины мира пратюркского этноса, в антропонимии, обрядах и обычаях имянаречения которого ярко проявляются этнические стереотипы мышления и поведения. Так, Галине Федоровне удалось выявить, например, мифолого-ассоциативный блок непогоды и показать репрезентативное отражение металлов (железа, золота, серебра) в пратюркской системе имен, а также возрастного символизма и стадий («младенчество — молодость») — в переходной обрядности тюрков.

Таким образом, в этом разделе коллективной монографии Г. Ф. Благова доказательно восстановила определенные фрагменты пратюркской мифологической картины мира, питающей систему архаических ценностных ориентаций, которые проецируются и на поведение современных представителей этноса. В своем становлении большое число тюркских личных имен связано с метафоризацией, причем разного уровня; с точки зрения автора, их три: первичная, вторичная и двухступенчатая метафоризация. Избранные Галиной Федоровной методы комплексного этнолингвистического и типолого-сопоставительного подхода позволили ей эффективно решить поставленные задачи.

Вообще, работа с разными аспектами изучения фольклорных текстов занимает в творческой биографии Г. Ф. Благовой особое место. Здесь нельзя не вспомнить ее книгу «Пословица и жизнь» [Благова 2000а], в которой исследовательница обнародовала и описала личный пословичный фонд своей матери — Антонины Семеновны Данько-Самойловой (1905—1978). По словам В. А. Виноградова, «тем ценнее представленные в книге наблюдения автора над тем, как живут в *живом речевом времени* сменяющихся поколений известные, зафиксированные в словарях и сборниках русские пословицы» (из письменного отзыва).

Г. Ф. Благова активно участвовала и в другой фундаментальной коллективной работе — «Этимологическом словаре тюркских языков»: и как собиратель словарного материала, и как автор-составитель, и как редактор двух полутомов — [ЭСТЯ 1997] и [ЭСТЯ 2000]. В томе [ЭСТЯ 2003] ею разработано около 30 словарных статей на букву «С».

Упомянем также об участии Г. Ф. Благовой в коллективной институтской работе «Языки мира: Тюркские языки» [Языки мира 1997]; в разделе «Древние и старые письменные языки» ею написана статья «Чагатайский язык» [Языки мира 1997: 148—159] и в соавторстве с Э. Н. Наджимом — «Мамлюкско-кыпчакский язык» [Языки мира 1997: 75—81] и «Тюркí язык» [Языки мира 1997: 126—138].

В 1982 г. вышла в свет основополагающая монография Г. Ф. Благовой «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион)» [Благова 1982], которая в том же году была представлена как докторская диссертация. Появление этого труда ознаменовало утверждение нового направления в системном изучении конкретных категорий языка (включая диалекты) в их исторической (на материале письменных памятников) и пространственной интерпретации.

В центре работы оказалась тюркская падежная система, которая рассмотрена с позиций системного и ареального подходов, что обеспечило многоаспектность проведенного исследования. Системный подход позволил автору выделить внутриязыковые и межъязыковые классифицирующие признаки тюркского склонения, характеризующие структурные разновидности падежных парадигм, члены которых связаны между собой индивидуализированной сетью соотношений, специфичных для каждого тюркского языка на определенном этапе его исторического развития. Ареальное исследование тюркского склонения не только помогло автору решить собственно лингвистические проблемы исторического взаимодействия тюркских языков и диалектов юго-восточного региона, но и позволило уточнить закономерности пространственного распределения падежных форм и более четко определить границы ареалов.

В разработке этого направления тюркологии неоценимую помощь в теоретическом и методологическом плане Г. Ф. Благовой оказала Мелитина Александровна Бородина, широко практиковавшая картографирование языковых явлений ретороманских диалектов Швейцарии и на этом материале успешно разрабатывавшая теоретические положения и понятийный аппарат ареальной лингвистики; по настоянию А. Н. Кононова она была утверждена консультантом по картографированию составлявшегося в те годы «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». Именно под влиянием слов М. А. Бородиной, что без картографирования не существует ареального изучения языков, Галина Федоровна стала внедрять в свое исследование новые методы лингвистической картографии — ездила в картографическое бюро, наносила на карты изоглоссы синхронных диалектных явлений в тюркских языках, составляла картосхемы к диахронному материалу. Картографические материалы Г. Ф. Благовой, как и многочисленные таблицы разных типов склонения, привлекли внимание оппонента ее докторской диссертации Э. А. Груниной.

Работу Галины Федоровны поддержала также Нинель Зейналовна Гаджиева, занимавшаяся проблемами ареальной лингвистики на материале тюркских языков Кавказа.

Задачи пространственно-исторической интерпретации фактов тюркского склонения по материалам средневековых текстов непосредственным образом связаны с исторической диалектологией тюркских языков (см. также: [Благова 1968, 1970, 1976а, 1976б, 1977]). На исторической карте распространения типов тюркского склонения в юго-восточном регионе Г. Ф. Благова показала центральные и маргинальные зоны распределения типов склонения, а также возможные пути иррадиации и характер того или иного типа склонения. Тем самым было выявлено отражение диалектного членения тюркских языков юго-восточного региона в средневековых письменных текстах в соответствующие исторические периоды. Автору также удалось выявить контактные зоны, в которых происходила интерференция (или контаминация) систем склонения близкородственных тюркских языков и диалектов юго-восточного региона.

В целом, в своей работе Г. Ф. Благова стремилась современными методами решить задачу раскрытия внутренних закономерностей (тенденций) развития тюркских языковых подсистем, проявляющихся в исторически обусловленных сходствах и различиях между близкородственными языками и диалектами. В результате ею была предложена одна из возможных частных классификаций тюркских языков на основе авторской классификации типов тюркского склонения. Своей монографией Галина Федоровна продолжила редкие для тюркологической науки конкретные разработки в области исторической диалектологии тюркских языков. Вместе с тем, разработанная автором методология изучения языка памятников способствует прояснению принципиально важного вопроса, имеем ли мы в конкретном случае дело с хронологическими и территориальными разновидностями одного письменного языка или же с различными письменными языками.

Последнее десятилетие Г. Ф. Благова обратилась к изучению истории отечественной тюркологии и выявлению тенденций ее исторического формирования, к поиску тех оригинальных теоретических идей и разработок, которые могли бы оказаться востребованными современной наукой. И многолетняя практика вдумчивого системного подхода к изучению любого предмета, в том числе и научного наследства, помогла Галине Федоровне увидеть в трудах наших предшественников и старших современников много интересного и поучительного.

В 2005 г. по инициативе издательства «Восточная литература» в серии «Классики отечественного востоковедения» был опубликован однотомник избранных сочинений Александра Николаевича Самойловича [Самойлович 2005], где собран большой массив как уже печатавшихся, так и архивных работ. Составителем этого тома выступила Г. Ф. Благова (при участии Д. М. Насилова). В этом труде было впервые предпринято совокупное издание (в столь внушительном объеме) ныне раритетных прижизненных публикаций, архивных (рукописных) лингвистических и историко-литературоведческих работ А. Н. Самойловича (законченных и незаконченных), что позволило показать масштабность его исследовательских разработок и творческих замыслов. В книге [Самойлович 2005] российский читатель впервые смог ознакомиться с крупным исследованием А. Н. Самойловича «К какой из турецких литератур относить роман XIII века “Иосиф и Зулейха”» [Самойлович 2005: 789—829], прежде считавшимся «безвозвратно потерянным для науки» [Ашнин 1978].

Издание [Самойлович 2005] состоит из двух частей: «Тюркское языкознание», «История тюркских литератур и история литературных языков»; каждая из частей включает несколько разделов, в которых труды академика, написанные в разные годы, сгруппированы по тематическому принципу. Представленные в этом однотомнике труды А. Н. Самойловича позволяют восстановить научные замыслы ученого, попутно обрисовывая обширное полотно его историко-литературных и лингвистических изысканий, которые связаны между собой как объектом исследования, так и выработанной автором единой методикой.

Однако изданный однотомник [Самойлович 2005], в котором в научный оборот было введено большое количество крупных и заметных, но ранее не публиковавшихся работ ученого, не мог исчерпать обширного архива его законченных и незаконченных рукописей, т. к. после 1938 г. возможность публикаций для А. Н. Самойловича фактически была сведена

на нет. Научный интерес представляло также значительное эпистолярное наследие ученого, разбросанное по разным архивам.

Стремясь создать полное представление об Александре Николаевиче как ярчайшем представителе нового («послерадловского») направления в российской тюркологии и о его научном вкладе в развитие последнего, Г. Ф. Благова скрупулезно собирала переписку ученого, комментировала содержание писем, опубликовала их и на основе изучения всего творчества А. Н. Самойловича написала его научную биографию, мастерски встроив деятельность ученого в тюркологическую историографию. Итоги многолетних усилий Галины Федоровны (см., например, [Благова 1993, 2000б]) нашли отражение в книге «Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография» [Самойлович 2008].

В этой книге впервые в практике отечественного востоковедения публикуется корпус эпистолярного наследия ученого (250 писем), созданный на основе не только его архивов, но и фондов целого ряда востоковедов, с которыми он переписывался. Письма первой трети XX в. многое проясняют в научной биографии А. Н. Самойловича, в частности его приверженность (с молодых лет) новейшей лингвистической теории и передовым методикам. Для ученого научная переписка с коллегами была также средством достижения важной цели — объединения отечественных тюркологов и координации их исследований.

Анализ переписки и широкое привлечение других архивных материалов позволили Г. Ф. Благовой осветить два аспекта, одинаково важных для науковедения и одинаково малоизученных в системном отношении. С одной стороны, это феномен противостояния между группами отечественных востоковедов на рубеже XIX—XX вв.; с другой стороны, это не только деловые, но и истинно дружеские взаимоотношения представителей новой научной школы, стремление к консолидации творческих усилий, направленных на ее укрепление и дальнейшее развитие. Все это находило отражение и в реальной жизни факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета на рубеже XIX—XX вв.

При подготовке книги [Самойлович 2008] Г. Ф. Благова творчески освоила огромный фактический материал, о чем говорит хотя бы список использованных источников, включающий около 700 названий.

Галина Федоровна не остановилась на создании творческой биографии А. Н. Самойловича, она поставила перед собой цель восполнить существующий в историографии серьезный пробел — отсутствие истории отечественной тюркологии XIX в., в недрах которой вызревала новая тюркологическая научная парадигма, представленная в трудах А. Н. Самойловича, В. А. Гордлевского, В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского и их учеников. Разыскания Г. Ф. Благовой в этой области нашли отражение в новом выпуске «Очерков по истории тюркского языкознания в России» — в ее книге «История тюркологии в России (вторая половина XIX — начало XX века)» [Благова 2012 в печати]. Эта работа подводит итог многолетним архивным поискам и предшествующим публикациям Г. Ф. Благовой о многих представителях отечественной тюркологии (Н. И. Ильминском, Л. З. Будагове, Н. К. Дмитриеве [Дмитриев 2001: 25—46, 104—111, 227—254], К. К. Юдахине, В. А. Богородицком, А. П. Поцелуевском, Э. А. Груниной и т. д.), о преемственности научных идей в востоковедении, о нереализованных научных планах и забытых замыслах.

Выучка редактора, полученная Г. Ф. Благовой в журнале «Вопросы языкознания», не прошла бесследно — умение добросовестно работать и «инициативное редактирование» Галины Федоровны были замечены председателем (1973—1986 гг.) Советского комитета тюркологов А. Н. Кононовым. Он предложил Г. Ф. Благовой место ученого секретаря Комитета тюркологов, и в 1975 г. она заступила на эту должность. «Все валилось на меня одну: организация и проведение конференций (часто с редактированием соответствующих тезисов), пленарных заседаний (с приездом и выступлениями большинства членов Комитета), рассылка писем, оформление приглашений, заказ гостиниц для иногородних тюркологов, отчеты о событиях, сбор материалов для составления планов, библиография выходящих книг, хроники пленарных заседаний, сведения о конференциях. Работы (особенно рутинной) было колоссально много», — вспоминает Галина Федоровна. Вплоть до 1986 г. она несла на своих плечах этот огромный груз, совмещая с плановой и внеплановой научной работой в Институте языкознания АН. К тому же, с середины 80-х до начала 90-х гг. (одновременно с Э. А. Груниной) Г. Ф. Благова состояла членом редколлегии журнала

«Советская тюркология», а бессменным членом Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН остается и по сей день.

В настоящее время Г. Ф. Благова — ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, член двух диссертационных советов (ИЯЗ РАН и ИСАА МГУ), член редколлегии журналов «Урало-алтайские исследования» и «Российская тюркология».

В творческой биографии Галины Федоровны поражает ее беззаветная преданность тюркологии, огромная работоспособность и удивительное умение видеть за незначительным научным или биографическим фактом явление большого порядка, которое может помочь при решении серьезных научных проблем.

Г. Ф. Благова выполнила завет своего мужа, известного пушкиниста Николая Яковлевича Соловья, который почти 44 года был рядом с ней и дружески поддерживал ее во всех научных начинаниях. Память о своем умном и добром соратнике Галина Федоровна запечатлела составлением и посмертным изданием его книги «О творчестве А. С. Пушкина. Очерки» [Соловей 2010].

Друзья, коллеги и ученики ценят в Галине Федоровне ее интеллигентность, доброжелательность и отзывчивость, добросовестность и обязательность, трудолюбие и даже педантичность в научной работе («ни дня без строчки», по словам Юрия Олеси). Пожелаем юбиляру по мере ее сил и возможностей продолжать свою тюркологическую деятельность и оставаться полезной для тех, с кем работает, для тех, кого любит.

Литература

Ашнин 1978 — *Ашнин Ф. Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880—1938) // Тюркологический сборник — 1974. М., 1978. С. 8—27.

Благова 1954 — *Благова Г. Ф.* Характеристика грамматического строя (морфологии) староузбекского литературного языка конца XV в. по «Бабур-наме». Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Благова 1966 — *Благова Г. Ф.* К истории изучения «Бабур-наме» в России // Тюркологический сборник к 60-летию А. Н. Кононова. М., 1966. С. 168—176.

Благова 1968 — *Благова Г. Ф.* Тюркский аффиксальный плеоназм в сравнительно-историческом и ареально-лингвистическом освещении // Вопросы языкознания. 1968, 6. С. 81—98.

Благова 1970 — *Благова Г. Ф.* Тенденции к усложнению тюркского падежного склонения (Опыт сравнительно-типологического изучения) // Вопросы языкознания. 1970, 1. С. 60—81.

Благова 1976а — *Благова Г. Ф.* Имена действия в тюркских языках среднеазиатского региона (Опыт ареально-типологического сравнительного изучения) // Тюркологические исследования. М., 1976. С. 51—76.

Благова 1976б — *Благова Г. Ф.* О соотношениях прозаического и поэтического вариантов среднеазиатско-тюркского литературно-письменного языка XV — начала XVI в. // *Turcologica*. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 27—36.

Благова 1977 — *Благова Г. Ф.* О методике изучения морфологии средневековых тюркских поэтических текстов // Вопросы языкознания. 1977, 3. С. 86—100.

Благова 1982 — *Благова Г. Ф.* Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). М., 1982.

Благова 1989 — *Благова Г. Ф.* Языковое выражение отношения «автор — адресат» в «Бабур-наме» // Советская тюркология. 1989, 1. С. 16—27.

Благова 1993 — *Благова Г. Ф.* Из истории тюркской текстологии: Александр Самойлович — исследователь «Бабур-наме». М., 1993.

Благова 1994 — *Благова Г. Ф.* «Бабур-наме»: Язык. Прагматика текста. Стиль (К истории чагатайского литературного языка). М., 1994.

Благова 1998а — *Благова Г. Ф.* Сравнительно-историческое изучение тюркской антропонимии в современной России: Реальность и перспективы // *Rocznik Orientalistyczny*. T. LI. Warszawa, 1998.

Благова 1998б — Благова Г. Ф. К характеристике типов раннетюркских антропонимов // Вопросы языкознания. 1998, 4. С. 180—191.

Благова 2000а — Благова Г. Ф. Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.

Благова 2000б — Благова Г. Ф. Эдиционно-исследовательская методика в трудах академика А. Н. Самойловича // Rocznik Orientalistyczny. Z. I. Warszawa, 2000. S. 79—96.

Благова 2012 в печати — Благова Г. Ф. Очерки по истории тюркского языкознания в России: История тюркологии в России (вторая половина XIX — начало XX века) / Отв. ред. Насилов Д. М. М., 2012 (в печати).

Дмитриев 2001 — Николай Константинович Дмитриев: К 100-летию со дня рождения / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 2001. (Сост. Благова Г. Ф.: Неопубликованные статьи и тексты Н. К. Дмитриева. С. 99—226. Авт. Благова Г. Ф.: Предисловие. С. 3—4; Добавления к научной биографии Н. К. Дмитриева (по архивным материалам). С. 25—46; От составителя. С. 101—103; Н. К. Дмитриев как историк науки. С. 104—111; Научное наследие Н. К. Дмитриева в Архиве РАН (обзор). С. 227—254; Публикация, комментарии и примечания (к архивным текстам Н. К. Дмитриева). С. 124—226.)

Самойлович 2005 — Самойлович А. Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника / Сост. и отв. ред. Благова Г. Ф., Насилов Д. М. М., 2005.

Самойлович 2008 — Александр Николаевич Самойлович: Научная переписка. Биография / Сост., авт. статей и библиогр. Благова Г. Ф. М., 2008.

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 1988.

СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 1997.

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 2002.

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006.

Соловей 2010 — Соловей Н. Я. О творчестве А. С. Пушкина: Очерки. М., 2010.

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ» / Ред. Левитская Л. С. М., 1997.

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К» / Ред. Левитская Л. С. М., 2000.

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ред. Левитская Л. С. М., 2003.

Языки мира 1997 — Языки мира: Тюркские языки / Отв. ред. Тенишев Э. Р. М., 1997.